

Сергей Глазьев: Создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и ЕС возможно

ИНТЕРВЬЮ СЕРГЕЯ ГЛАЗЬЕВА

Сергей Глазьев

«КОГДА ЛЮДОЕДСКИЙ РЕЖИМ НА УКРАИНЕ РУХНЕТ, БУДЕМ ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ С НОРМАЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ»

— Сергей Юрьевич, каковы перспективы взаимодействия ЕАЭС с ЕС ввиду введенных санкций и гражданской войны на Украине?

— Это вопрос, ответ на который целиком лежит в Брюсселе. Позиция руководства России и нашего ЕАЭС абсолютно открытая и благожелательная. Президент Путин многократно говорил о желании выстроить общее экономическое пространство, зоны сотрудничества от Лиссабона до Владивостока. Со стороны России многократно делались предложения о возобновлении переговоров, связанных с подписанием нового большого договора. Старый, как вы знаете, давно прекратил срок действия. Отмечу, в старом договоре о партнерстве и сотрудничестве предполагалось, что мы должны уже сегодня жить в состоянии зоны свободной торговли с ЕС. Но не получается это исключительно по вине Брюсселя. С самого начала торговые барьеры устраивала не Россия, а ЕС. При всех разговорах, что возникшая после краха СССР Российская Федерация будет пользоваться максимально благоприятным режимом торговли и ЕС настроен на сотрудничество и совместную деятельность. В действительности

европейская бюрократия нам преподнесла много антидемпинговых пошлин, всяких ограничений в торговле, и фактически до сих пор европейский рынок для российских товаров, особенно высокотехнологических, практически закрыт. Даже после нашего вступления в ВТО все эти барьеры сохраняются.

В то же время в отношении наших бывших союзных республик со стороны ЕС мы наблюдали и наблюдаем прямую агрессию. Сначала они вцепились в Прибалтику и вслед за Восточной Европой втянули в ЕС, что обернулось для прибалтийских экономик деградацией и практически полной деиндустриализацией. В Прибалтике не осталось крупных заводов. Если раньше там сотни тысяч людей работали в машиностроении, в высокотехнологических секторах, то сегодня это пустыня, молодежь из которой уезжает в Европу, нанимается на любую работу. А в Прибалтике центров экономической активности так и не создано. А те, которые существуют, то только благодаря транзиту российских ресурсов через порты или деятельности российских банков.

Вслед за Прибалтикой была реализована и продолжается программа восточного партнерства, смысл которой заключался в том, чтобы оттянуть от нашего Таможенного союза Беларусь, Украину, Молдавию, Армению, Грузию. То есть программа восточного партнерства ЕС была целиком ориентирована против России, против наших интересов, ее главная задача была в том, чтобы не допустить бывшие наши союзные республики к евразийскому интеграционному процессу. ЕС вел себя как большая бюрократическая империя, очень агрессивная, ориентированная на максимальное расширение, на захват все больших территорий за счет России. ЕС все эти годы недоброжелателен по отношению к нашей стране с точки зрения торгово-экономического сотрудничества, а в последние 10 лет вообще ведет антироссийскую политику. Все наши предложения о сотрудничестве отвергаются. По Украине мы изначально предлагали договариваться вместе, в рамках трехсторонних переговоров обсуждать торгово-экономический режим, взаимоотношения с Украиной, которые бы всех устроили. Собственно говоря, идея президента Путина о едином пространстве от Лиссабона до Владивостока предполагала, что мы будем решать проблемы интеграции Украины в наш Евразийский союз и в ЕС совместно, исходя из перспективы построения общего экономического пространства. В таком контексте эта проблема легко бы решилась, но ЕС взял путь другой — путь агрессии, силового навязывания. Конечно, попирая все нормы закона и международного права, европейские лидеры дошли до того, что организовали в Киеве госпереворот под руководством американцев. Первый акт киевской хунты заключался в подписании соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Для того чтобы добиться поглощения Украины европейской юрисдикцией, европейские лидеры пошли на открытое нарушение украинской Конституции, на попрание норм международного права и прямое насилие, которое учинили под

их прикрытием нацисты. Для того чтобы оторвать Украину от России, ЕС пошел на выращивание нацистского нелегитимного режима. В этом была главная цель киевского переворота, узурпации власти нацистской хунтой, чтобы не пустить Украину в процесс евразийской интеграции и застолбить это подписанием соглашения об ассоциации с ЕС. Это соглашение фактически делает Украину колонией ЕС, поскольку в соответствии с ним страна обязана выполнять все нормы ЕС, не имея возможности на них влиять.

Таким образом, чисто юридически нелегитимная украинская власть фактически была Брюсселем легитимизована только ради этого. Теперь, когда Украина лишена свободы действий в области торгово-экономической политики, потеряла свой суверенитет, мы не можем с ней выстраивать нормальные торгово-экономические отношения. Собственно, сам киевский режим под руководством США и ЕС проводит оголтелую русофобскую политику и ведет дело к полному разрыву торгово-экономических связей с Россией с катастрофическими последствиями для Украины. Хотя вопросы могли бы быть решены очень легко и бесконфликтно даже в ситуации, когда невозможно было бы найти общее решение для всей Украины, можно было бы в торгово-экономическом плане предложить для Украины двойной режим, то есть она имеет отношения свободной торговли с Россией, при этом имеет свободную торговлю с ЕС в рамках ассоциации. Но если юго-восток привязан к нам экономически очень жестко, то надо было предоставить возможность этому региону Украины иметь интеграционные отношения с ЕАЭС, а Западной Украине — с ЕС. Прецедент есть сегодня только один — Дания. Она является членом ЕС, не включая Гренландию. Юридически можно было бы найти способ достижения компромисса.

— В нынешних условиях возможно ли все-таки создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и ЕС?

— С нашей точки зрения, возможно. Более того, мы вели до введения санкций консультации с Европейской ассоциацией свободной торговли, это та небольшая часть стран, которые не входят в ЕС, обладают свободой в торговых вопросах. С ними уже прошел раунд переговоров, консультаций о формировании зоны свободной торговли между ЕАСТ и ЕАЭС. Все это имело довольно хорошую перспективу. Но сейчас все переговоры прерваны в связи с экономическими санкциями. Мяч на их стороне.

— В таком случае у Украины какие перспективы, если эта зона свободной торговли все-таки будет создана?

— Для Украины сейчас стоит вопрос, сохранит ли она отношения свободной торговли с нами, поскольку она подписант соглашения о свободной торговле в СНГ. Мы Украину предупреждали, что в случае заключения соглашения

об ассоциации с ЕС этот режим будет пересмотрен с нашей стороны. Сейчас пока ведется мониторинг. Но поскольку сама Украина отгородилась от России, на сегодняшний день проблема состоит не в том, что мы испытываем какое-то давление со стороны украинских или европейских товаров через Украину, а в том, что вообще сворачиваются торговые отношения. Она сама себя изолирует. Юридически она имеет с нами режим свободной торговли. Вопрос о смене этого режима пока не ставился. Я считаю, что в нынешней ситуации, когда Украина терпит бедствие и фактически сама себя убивает, выталкивать ее из зоны свободной торговли — это поощрять нацистский режим. Я думаю, что надо подождать, пока этот режим не утонет в том море крови, который он сотворил путем чудовищных преступлений на Украине, и не захлебнется в крови тех людей, которых они погубили. Я думаю, что в условиях XXI века такой нацистско-фашистский режим с тотальным политическим террором существовать не сможет. Во всяком случае, он существует, пока его поддерживают европейские лидеры. Как только этих лидеров общественность заставит пересмотреть свое отношение к руководству Украины, этот людоедский режим рухнет. И тогда можно будет вести разговор с нормальными людьми.

«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ ПРЕДСКАЗЫВАЛ ЕЩЕ КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ»

— Оцените вероятность присоединения к ЕАЭС стран дальнего зарубежья, таких как Иран, Турция, Сербия, Вьетнам и др. Каковы

перспективы создания зон свободной торговли ЕАЭС, например, с Японией, Китаем, АСЕАН?

— Расширение ЕАЭС за пределы постсоветского пространства — вопрос очень непростой. Начнем с того, что рабочим языком у нас является русский, это очень важное преимущество, то есть нам не надо заниматься переводами на разные языки, все друг друга понимают. Единство языковой среды дает огромное интеграционное преимущество, это очень важное условие, не экономическое, но технологическое и в культурно-гуманитарном плане важное для интеграции. Обратимся к истокам философии евразийства, которая впервые была сформулирована князем Трубецким. Он, находясь в эмиграции, рассуждал на тему, что будет после краха Советского Союза. Он рассуждал так: Российская империя была государством русского народа с русским царем и с православной верой в качестве главной веры, то есть русский народ дал государству и свою идеологию, и своего царя, и свой язык, и свои принципы миропонимания. Хотя Российская империя была многонациональной, благополучно развивались исламская, буддийская общины, было разнообразие языков, но все равно это было государство русского народа.

Советский Союз стал государством советского народа во главе с коммунистической партией. Эта форма государственного устройства, по мнению Трубецкого, будет иметь место до тех пор, пока структура общества будет позволять рабочему классу быть его основой. Как только процесс развития экономики приведет к размыванию роли рабочего класса в социальном устройстве (неизбежно роль пролетариата будет размываться), то вместе с ней будут размываться фундаментальные основы для коммунистической идеологии. Китайский опыт показал, что в этом Трубецкой заблуждался, но о Советском Союзе он угадал — СССР распался сразу после роспуска КПСС. Он также правильно дал прогноз, что после распада Советского Союза голову поднимут националисты и во всех частях Российской империи начнется национальная революция. Потому что если нет сплачивающей наднациональной идеологии, то появляется мощный импульс создания национальных идеологий. Возникает вопрос: как дальше строить жизнь на нашем гигантском пространстве? Трубецкой обосновывал, что будет образован Евразийский союз на основании исторической общности народов, проживающих на этой территории. То есть наш совместный опыт жизни в одном государстве в течение тысячи лет, особенно в последние 70 лет в рамках унитарного государства, создал определенную традицию — культурную, мировоззренческую. Эта общность будет главным фундаментом для строительства Евразийского союза. При этом он предупреждал, что не должно быть никакого насилия, все должны объединяться добровольно. Насилие в данной ситуации неприемлемо.

Наверное, интуитивно — я не знаю, читали ли наши президенты Трубецкого — но они делают так, как князь предсказывал и советовал. Мы, конечно, упустили Украину. Но с другой стороны, если бы силой заставили их войти, то, возможно, она сейчас окончательно бы развалилась.

Если исходить из этого, то кто из наших соседей имеет с нами опыт жизни в одном пространстве в течение веков? За исключением постсоветских государств, только, может, Польша, но она ушла и не вернется. Также Греция в какой-то степени, поскольку нас с ней связывают духовные традиции, она явно неудобна ЕС. Поэтому ее можно рассматривать в качестве потенциального участника интеграции, тем более наши экономики друг друга органично дополняют. В таком случае и Кипр, который мог войти, когда его ЕС обанкротил. Назарбаев ставит вопрос о создании зоны свободной торговли с Турцией, но ей в полной мере не хватает суверенитета, поскольку у нее Таможенный союз с ЕС. У нас еще остаются Сербия и Черногория, с которыми у нас отношения свободной торговли, но после того геноцида, который учинили там европейцы вместе с американцами, вопрос об участии этих стран в ЕАЭС не стоит. Нам бы сохранить зону свободной торговли с ними, поскольку они декларируют присоединение к ЕС. Если Греция выйдет раньше, то Сербия уже не вступит. Есть еще страны Прибалтики, но они в ЕС.

На востоке стран, с которыми мы имеем опыт общей жизни, практически нет. Можно считать условно Монголию, но она пограничное государство с Китаем, нужно быть очень осторожными. Если говорить о зоне свободной торговли — мягком способе интеграции, не требующем отказа от национального суверенитета, то это Китай, если вам не страшно такое сотрудничество. Надо понимать, что если мы создаем с Китаем зону свободной торговли, то как бы нам не оказаться его периферией, надо для себя сначала выстроить какую-то стратегию. Япония не является суверенной страной, как и Германия, она до сих пор оккупирована США.

С АСЕАН можно двигаться как угодно далеко, с Вьетнамом уже есть решение о свободной зоне торговли, есть перспективы с Малайзией, Индонезией, Индией. Большие перспективы зоны свободной торговли с Ираном. Еще Египет и Сирия, если там нормализуется ситуация.

ВАЛЮТНЫЙ СОЮЗ С ВВЕДЕНИЕМ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ КАК ПЕРСПЕКТИВА

— Владимир Путин на трехсторонней встрече президентов России, Беларуси и Казахстана говорил о том, что есть возможности для формирования в перспективе валютного союза. Что означает создание валютного союза для ЕАЭС и для мировой экономики?

— Начнем с того, что в современном мире деньги эмитируются под долги. Если брать в качестве примера Европейский союз, то евро эмитируется под государственные обязательства государств-членов Евросоюза. Именно поэтому Греция и ряд других стран ЕС оказались в трудной ситуации, поскольку, эмитируя свои облигации, продавали их на рынке. Европейский центральный банк их покупал без учета бюджетных ограничений, которые определяют состояние греческой экономики. После этого эпизода, который оказался не единственным, трудности возникли у Италии, Ирландии и Испании. Стало понятно, что эмиссия единой валюты без проведения единой долговой политики — вещь очень рискованная. Для того чтобы единая валюта была устойчивой, необходимо, чтобы страны (если мы говорим о наднациональной валюте), которые работают в этой валюте, проводили единую долговую политику. Для Европы даже при их уровне интеграции это оказалось пока недостижимой целью, потому что для того, чтобы иметь единую долговую политику, нужно иметь единую налогово-бюджетную политику. ЕС дошел до фазы взаимных обязательств по дефициту бюджета и государственному долгу. Но, как выяснилось, этого

оказалось мало. Никаких реальных санкций за превышение лимита по дефициту бюджета и превышение госдолга на практике не последовало, хотя формально предусмотрены штрафы.

Поэтому, учитывая этот драматический опыт Еврзоны, задача выхода на наднациональную валюту должна решаться после достижения всех предыдущих этапов интеграции. В настоящий момент единой налогово-бюджетной, долговой политики у нас не планируется. Инициативу Владимира Владимировича надо рассматривать как перспективную задачу.

— То есть в перспективе все-таки валютный союз возможен?

— Это возможно в перспективе, тем более президент Нурсултан Назарбаев несколько раз высказывал предложения по рассмотрению вопроса о введении наднациональной валюты, но оно никогда не иницировалось казахстанской стороной официально, то есть это были выступления Нурсултана Абишевича на форумах, публикация статей, но официально эта инициатива Высшим евразийским экономическим советом даже на уровне ЕЭК не рассматривалась.

Существует определенный план углубления интеграции. Он рассчитан до 2024 года. В нем предусмотрено формирование общих рынков услуг, куда входит и финансовый сектор, причем он отнесен в полной мере интеграции на самый последний этап. Это связано с определенными сложностями унификации рынка страховых услуг и рынка перестрахования, существуют различия по банковскому законодательству, в странах проводится различная денежно-кредитная политика. Поэтому финансовый рынок решили интегрировать после того, как будут решены вопросы интеграции товарных рынков, рынков в сфере материального производства (электроэнергия, газ, нефть, транспортные перевозки).

Так что пока это скорее постановка задачи. Можно по-разному подходить к ее решению. При этом надо исходить из реальной потребности в наднациональной валюте. На сегодняшний день 85 процентов экономической активности ЕАЭС реализуется на российской территории. Практически подавляющая часть расчетов из тех, что ведется в национальных валютах, осуществляется в рублях. В этом смысле введение наднациональной валюты в ситуации, когда фактически роль таковой выполняет рубль, требует дополнительного анализа. Поскольку есть договоренность, что единый финансовый регулятор будет находиться в Казахстане, а на сегодняшний день функции финансового регулятора и Центрального банка в России и Казахстане совмещены в одной организации — Национальный банк, а у нас это Центральный банк, то возникает вопрос, как будет формироваться корзина для этой наднациональной валюты и будет ли расщепление функции финансового

регулятора и функции эмитентов наднациональной валюты. Это даже не главный по сложности вопрос. Главный вопрос связан с унификацией налогово-бюджетных и долговых политик. Пока мы к нему даже не приблизились, поскольку круг вопросов, подлежащих интеграции, четко ограничен: общий рынок товаров и услуг, гармонизация налоговой политики и унификация косвенных налогов. Пока стержень евразийской интеграции — это общий рынок товаров и услуг. Соответственно, если ставить задачу введения наднациональной валюты, нужно спланировать этапы, о которых я говорил. Наверное, в части перспективы наднациональной валюты многое будет зависеть от расширения интеграции. Поскольку сейчас российская экономика доминирует, для наднациональной валюты более оптимальной представляется менее акцентированная концентрация экономической активности в одной стране. Если ЕАЭС расширится, в него войдут наряду с Арменией и Киргизией еще Узбекистан, Таджикистан и Украина, вес российской экономики снизится хотя бы до половины, то возникает дополнительный аргумент создания наднациональной валюты.

И последнее. Не обязательно наднациональную валюту вводить, что называется, по полной программе. Можно воспользоваться опытом СЭВ, когда у нас работал наднациональный переводной рубль, при этом сохранялись национальные валюты. В этом смысле создание наднациональной валюты для международных расчетов и для учетных целей может оказаться хорошим первым этапом, так, как, например, сделали европейцы с ЭКЮ. Если мы переходим к двухвалютной системе — наднациональная и национальная валюты, то важен вопрос курсовых политик. Перед тем, как вводить евро, европейцы прошли через этап валютной змеи, когда они фиксировали курсы национальных валют по отношению друг к другу, что облегчало и расчетно-учетную функцию, которая была реализована в ЭКЮ, а также введение евро. Нам тоже все это предстоит пройти. В ситуации, когда курс валют так сильно колеблется, как у нас в последний год, нам эта задача кажется пока сложной.

«АМЕРИКАНЦЫ НЕРВНО РЕАГИРУЮТ НА ЕВРАЗИЙСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ»

— Какова вероятность того, что США будут продавливать трансатлантическую зону свободной торговли? Какая в этом польза для ЕС и угрозы для ЕАЭС?

— Сомнений в том, что будут продавливать, никаких нет, они уже активно это делают. Эта часть американской геополитической стратегии связана с тем, что им для улучшения своих конкурентных позиций по отношению к Китаю нужно установить как можно более жесткий контроль над периферией на выгодных для них условиях. Европа является важнейшим элементом этой периферии. Благодаря войнам в Европе, доминированию американских корпораций они получили гигантские преимущества. Поэтому американцы всегда нервно реагировали на какие-либо попытки европейских стран обрести независимость. Как вы знаете, они до сих пор держат там войска и Германия остается оккупированной территорией вплоть до того, что немецкий канцлер, вступая в должность, каждый раз подписывает канцлер-акт, в котором присягает американцам на верность с точки зрения внешней политики.

Когда европейцы начали создавать свой ЕС, американцы позаботились о том, чтобы вся европейская бюрократия была у них под контролем. Не случайно НАТО и Еврокомиссия расположены в одном городе, то есть механизмы НАТО американцы используют для военно-политического давления

на европейские страны. Сейчас ситуация явного ухудшения американского геополитического положения в связи с исчерпанием возможностей экономического роста в рамках американской модели и перекачивания центра глобальной активности в Китай. Поэтому американцы пытаются усилить свои позиции, снимая барьеры на пути движения товаров из Америки в Европу в рамках формирования трансатлантической зоны свободной торговли. Одновременно они пытаются соорудить аналогичную тихоокеанскую зону и таким образом укрепить свое положение сразу во всем мире. Переговоры идут очень тяжело. Проект Путина по созданию зоны экономического сотрудничества от Лиссабона до Владивостока явно не вписывается в американские планы. Поэтому американцы так нервно реагируют на евразийскую интеграцию и прикладывают все усилия, чтобы предложения Путина Брюсселем не воспринимались. Я могу сказать, что за весь опыт торгово-экономического сотрудничества РФ с ЕС после развала СССР отгораживание всегда происходило с их стороны. Инициатива Путина не была поддержана евробюрократией, хотя некоторые страны с энтузиазмом к этой идее относятся. Евробюрократия фактически сейчас помогает американцам навязать ЕС выгодные для США условия формирования трансатлантической зоны свободной торговли.

— **Для ЕАЭС это будет концом, если данная зона сформируется?**

— Никакого конца не будет, нас это вообще не касается, мы же не участвуем в этих переговорах, это чисто европейско-американское дело. Проблема будет только в том, что нам формировать единое экономическое пространство с ЕС будет намного сложнее, потому что фактически мы выйдем на зону свободной торговли и с США, что, в принципе, тоже несущественно, так как наша зависимость от импорта из Штатов невелика. Тем не менее формирование трансатлантической зоны свободной торговли чревато для наших отношений с Европой еще тем, что там будут созданы механизмы координации. Я думаю, это соглашение будет дополнительным способом набросить еще один аркан на шею ЕС со стороны США, потому что в рамках механизма координации торговых политик американцы будут торпедировать все попытки нашего сближения с ЕС. Я думаю, ЕС навяжут механизмы, которые позволят Вашингтону диктовать свои условия Брюсселю. В этом смысле интеграция между ЕС и ЕАЭС будет осложнена постоянным американским участием.

«ТАТАРСТАН — ЛОКОМОТИВ В ИНТЕГРАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ»

— **Как вы оцениваете перспективы Казани как одного из центров евразийской интеграции и какова роль татар в этом процессе?**

— Я думаю, Казань уже по определению является одним из центров евразийской интеграции. Татарстан — один из динамично развивающихся

регионов, расположенный фактически в центре евразийского материка, безусловно, одновременный локомотив в интеграционном процессе и один из главных получателей дивидендов от интеграционных процессов. Насколько мне известно, правительство Татарстана имеет свое представительство в Казахстане и активно работает с нашими партнерами по Таможенному союзу и евразийской интеграции. Так что я думаю, что в этом процессе у предприятий Татарстана возникают новые возможности, которые могут быть использованы в рамках более широкого евразийского рынка. Если еще будет построена новая скоростная дорога Москва — Казань, а затем пойдет на юго-восток, возможно, через Омск, а потом в Казахстан, то и казанский транспортный узел будет иметь большое значение.

— Как вы оцениваете перспективы ВСМ? Есть ли у нее реальное будущее?

— Конечно, будущее есть, поскольку планы одобрены на всех уровнях. Нехватка денег — это проблема временная, а при большом желании можно их создать, найти. И все-таки дорогу Москва — Казань следует рассматривать как звено транспортной магистрали, поскольку основной экономической эффект достигается от всей трансконтинентальной дороги, поэтому, по всей видимости, на первом этапе не стоит ожидать больших доходов от эксплуатации, а надо стремиться построить всю дорогу и получить как можно быстрее интеграционный эффект.

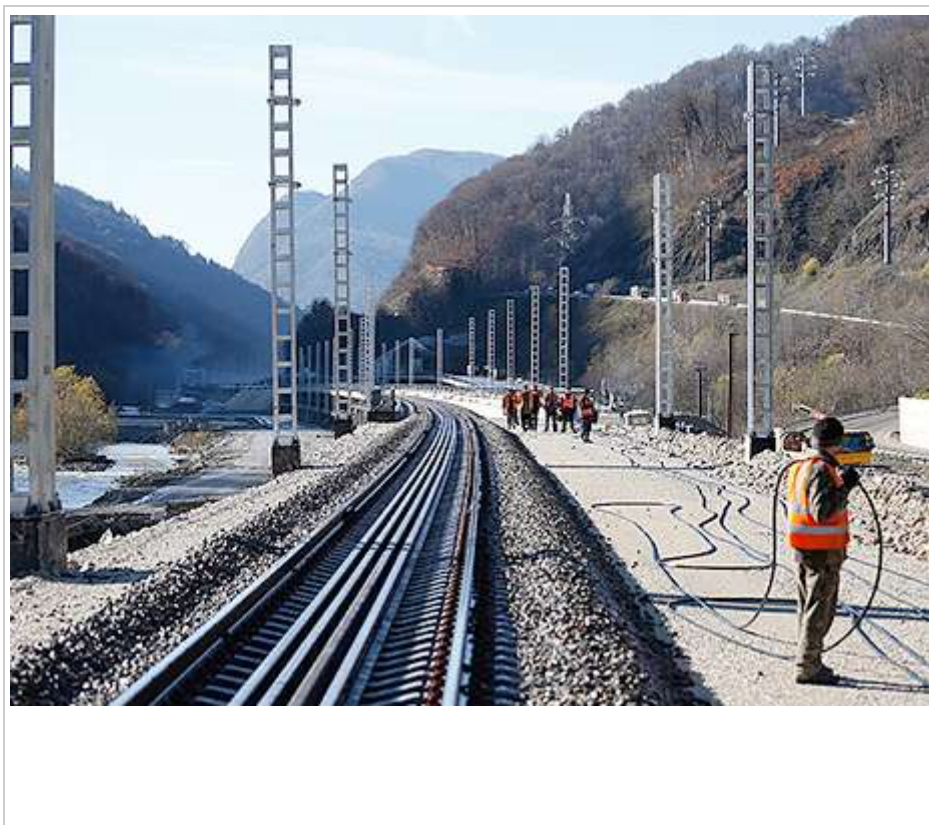
— Как вы смотрите на участие в этом проекте китайцев?

— Я думаю, что они обречены на то, чтобы участвовать в этом строительстве. Тем более создали сейчас Азиатский банк инфраструктуры, собственно, для того чтобы кредитовать строительство таких масштабных проектов. Надо понимать, что китайцы — народ прагматичный и научились у нас стратегическому планированию. Мы, к сожалению, отказались от него и не можем никак освоить. Китайцы имеют планы на 30 лет вперед, эти планы, естественно, исходят из интересов Китая. Китайцы будут делать только то, что сами запланировали. В этом смысле сотрудничество с Китаем в ситуации, когда у вас нет стратегии, обрекает на следование китайским интересам.

— Подсядем на китайский крючок?

— Поэтому нам нужно иметь свою стратегию и согласовывать ее с китайской стратегией в тех сферах, где совпадают наши интересы. Конечно, трансконтинентальную магистраль, которая бы связала Западную Европу с Китаем, нам выгодно было бы провести через нашу территорию, захватив заодно Казахстан, Киргизию. У китайцев же есть альтернатива, например, они объявили, что первым проектом, который будет кредитовать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, станет ВСМ Пекин — Багдад. Для нас

это как раз конкурент с точки зрения перевозки грузов. Но я бы не акцентировал внимание чисто на транспортных услугах, потому что главный эффект от дороги — связь территорий. Эффект от сокращения времени в пути, улучшения транспортной доступности по всем магистралям будут иметь большой положительный мультипликатор. Китайцы, понимая это, говорят даже не о железной дороге, а о пути, о поясе развития вокруг дороги.

«ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСИТЕСЬ РАЗДЕТЬСЯ ПЕРЕД ЗАПАДНЫМ КАПИТАЛОМ, ТО, МОЖЕТ, ВАМ ДАДУТ ДЕНЬЖАТ НА НАБЕДРЕННУЮ ПОВЯЗКУ»

— Вы упомянули Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Для России чем он может быть еще выгоден, кроме строительства ВСМ?

— Экономическая выгода будет зависеть от нашей активности. Если у нас будет стратегия и мы будем четко понимать, чего хотим, то, наверное, можно убедить наших партнеров по этому банку прокредитовать те совместные проекты, которые нам интересны. Есть очевидные проблемы, связанные с отсталостью Дальнего Востока, низкой экономической активностью, недоразвитостью инфраструктуры. Поэтому заинтересованность в инвестициях огромная. Привлекательность региона для частных инвестиций не очень высокая, потому что в силу наших макроэкономических условий в Китае делать бизнес выгоднее, чем на нашем Дальнем Востоке, там ниже цены на электричество и топливо, больше набор финансовых услуг,

дешевле кредиты. Соответственно, когда мы пытаемся стимулировать бизнес на Дальнем Востоке, он весь перетекает в Китай. Я считаю, надо предпринимать довольно энергичные меры, требующие больших инвестиций в развитие инфраструктуры, повышать эффективность всех инфраструктурных отраслей. Как раз банк для этого и создан. Не участвовать в нем было бы опрометчиво. Хорошо, что Россия успела в последний момент на подножку уходящего поезда заскочить.

— В связи с этим какова судьба Нового банка БРИКС, который вроде планировался как дублер Всемирного банка?

— Я бы не сказал, что это конкурент Всемирному банку. Банк БРИКС будет работать в интересах стран БРИКС. Хотя эти страны охватывают половину земного шара, тем не менее его ориентация не на весь мир, а на интересы нашего партнерства — это его отличает от мирового банка. Работа мирового банка как валютного фонда подчинена той идеологии, которая называется вашингтонским консенсусом, которая разработана американцами для обеспечения доминирования их капитала во всем мире. Собственно, МВФ является подручным средством для американских властей, чтобы создавать такие условия для работы американского капитала в других странах, чтобы было выгодно и комфортно. Если посмотреть на работу мирового банка, то приходится констатировать высокую политизацию. Во-первых, мировой банк везде идет под ручку с МВФ. Для того чтобы привлечь кредиты мирового банка, нужно сначала получить хорошую отметку у МВФ. А это значит открыть свою экономику для западного капитала, устранить все барьеры на приток американских и европейских инвестиций, дать им льготы, обеспечить привязку денежной эмиссии к притоку иностранной валюты, ограничить госрегулирование экономики. Вот только тогда мировой банк идет в поддержку либеральных реформ.

Я помню, как мировой банк работал в России в начале 90-х годов. Практически мировой банк шел вслед за МВФ, который диктовал российскому правительству политику, которая была выгодна американцам, а именно: отказ от регулирования цен, валютного контроля, повальная приватизация, снятие ограничений на движение капитала. Тогда приходил мировой банк и говорил, что готов дать денег, чтобы подсластить реформы МВФ. Причем подавляющая часть проектов мирового банка носила явно надуманный характер. Например, они с удовольствием поставляли американские компьютеры нашим министерствам и ведомствам. Американцы тем самым решали сразу две задачи. Во-первых, навязывали нам свою технику, а кредиты все-таки приходилось мировому банку возвращать, они хоть длинные и дешевые, но возвратные. Во-вторых, технику гнали абы какую. В-третьих, эта техника была, судя по последним данным разведсообщества, наспигована всякого рода «жучками», чтобы видеть, что у нас внутри происходит.

Вторая серия проектов была для развития инфраструктуры под госгарантии, то есть практически вся помощь мирового банка — кредиты, гарантированные правительством, которые фактически погашаются за счет бюджета. Это один из источников финансирования бюджета на те цели, которые выгодны не столько нам, сколько соответствует их представлениям о том, как мы должны развиваться. Нам мировой банк буквально навязывал эти кредиты. Я считаю, мы вполне могли бы без них обойтись. Эта морковка является стимулом для слаборазвитых стран соглашаться с требованиями МВФ. Если вы согласитесь полностью раздеться перед западным капиталом, то, может, вам дадут денег на набедренную повязку.

«У НАС ТОЛЬКО ОДИН ПОЛИТИК НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ»

— Рустам Минниханов обмолвился, что Путин именно ему поручил курировать связь с исламским миром. Насколько на данном этапе для России важны связи с мусульманским и тюркским миром?

— Во-первых, мы сами часть мусульманского и тюркского мира. За всю историю Российской империи и ислам, и тюркские народы чувствовали себя тут как дома, поскольку никто не навязывал никаких религиозных, культурных условий жизни в одном государстве с русскими. Хотя Российская империя была государством русского народа с точки зрения государственных религии и устройства, тем не менее мусульманская община и тюркские народы чувствовали себя комфортно, поскольку у них была полная национальная и культурная автономия, не зависящая от государственного устройства. Так что наша составляющая часть российского общества — тюркские народы и мусульманская община — всегда играла определенную роль и в глобальных вопросах.

Конечно, мусульманский мир весьма разобщен, мы даже видим, что идет война на Ближнем Востоке между разными ветвями ислама. Тюркский мир еще более разобщен, в политическом смысле он представлен огромным количеством государств, где тюркская составляющая или доминирует, или очень высока. Именно поэтому все попытки объединения исламского мира и тюркского этноса в панисламских и пантюркских проектах успеха не имели. Я думаю, в этом нет необходимости. Опыт нашей евразийской интеграции показывает, что в современном мире любые попытки какой-то надуманной или принудительной интеграции работать не будут, а будут вызывать только недоверие и отчуждение.

Мне кажется, такого рода дипломатия, которую ведет Минниханов, абсолютно соответствует современным представлениям о том, как должно строиться взаимодействие между родственными народами, людьми одной веры без вмешательства во внутренние дела, без навязывания идеологием, без попыток принуждения, а на основе общего понимания смыслов жизни

и общего видения будущего глобального мироустройства на условиях справедливости, взаимовыгоды. Это принципиальное отличие от той глобализации, которая сейчас навязана миру США. Чем больше будет горизонтальных контактов, где региональные лидеры могли бы играть очень заметную роль, наполняя процесс этих контактов содержательными проектами, связывая людей общими интересами, тем лучше. Я думаю, этот путь перспективен.

— И все-таки как вы оцениваете Минниханова как федерального политика? Насколько он успешен?

— Я высоко оцениваю Минниханова, думаю, он очень эффективен, пользуется заслуженным авторитетом. Единственное, хочу вас поправить, у нас есть только один политик на федеральном уровне, с моей точки зрения.

«ИСЛАМСКИЙ БАНКИНГ НАДО В КАЧЕСТВЕ ПИЛОТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ЗАПУСТИТЬ В ТАТАРСТАНЕ»

— Что вы думаете об исламском банкинге и о перспективах исламских инвестиций в Россию?

— Во-первых, очевидно, что исламский банкинг состоялся как огромное направление глобальной деятельности, он очень успешен. В частности, малайзийский опыт и опыт арабских стран показывает, что специфические особенности исламского банкинга обеспечивают ему высокую устойчивость

от разного рода колебаний конъюнктуры. Глобальный кризис исламские банки прошли без потерь.

Во-вторых, он обеспечивает высокую эффективность инвестиций, потому что основан на принципе солидарной ответственности. В-третьих, является очень хорошим генератором экономического роста не только потому, что это способ получить деньги без процентов, но это еще и очень важный механизм организации совместной деятельности людьми. Эти преимущества исламского банкинга, думаю, будут делать его все более привлекательным. А эти принципы выходят все больше за пределы исламского мира.

Замечу, что в Российской империи существовали ссудосберегающие товарищества, которые работали на аналогичных принципах, то есть предоставление денег без процентов, солидарная ответственность за инвестиционный проект, когда получатель кредита и банкир вместе разделяют риски, а это высокие этические требования друг к другу, обман и коррупция фактически невозможны в этих институтах. И это совместное целеполагание, работа над инвестпроектами дают очень важный синергетический эффект, когда кредитор и заемщики вместе заинтересованы в успехе. Это объединяет общество. Я считаю, что принципы исламского банкинга должны быть инкорпорированы во все наше банковское законодательство.

Посмотрите, чем у нас отличаются банки от исламских и тех же российских ссудосберегающих товариществ? У нас банкир вообще не думает о заемщике, он дал денег, ободрал его как липку, взял залогов в 10 раз больше, чем дал кредит, и ему уже наплевать — вернет заемщик кредит или нет. Залоговая масса такова, что хватит покрыть все убытки с лихвой. Плюс гигантские проценты. В нашей финансовой системе все риски ложатся на реальный сектор. Ведь экономику делают производители товаров, а те, кто финансируют, вообще-то, должны помогать производителю добиваться материальных результатов хозяйственной деятельности. Вместо этого финансовое посредничество у нас превратилось в чисто паразитическую прослойку сверхбогатых людей, практически олигархов, включая и госбанки, которые паразитируют на дефиците денег, а этот дефицит искусственно создается в стране в их интересах. Они накручивают ростовщические проценты, которые в Европе в свое время заканчивались войнами, и никакой ответственности не несут за использование этих денег.

А сколько банков оказались мошенническими... Посмотрите список банков в 90-е годы и сейчас — редко встретишь одни и те же названия. Российское государство доверило банковскую деятельность кому попало. Это, я считаю, была одна из стратегических ошибок в начале реформ, когда банк мог создать кто угодно. И до сих пор есть банки, непонятно кому принадлежащие, зарегистрированные в офшорах, собственники этих банков

особой ответственности не несут за сохранность денег клиентов. Я убежден, что банкиры, как люди, учреждающие банки, должны брать личную имущественную ответственность за сохранение вкладов граждан. Почему государство сейчас должно тратить сотни миллиардов рублей на оплату долгов проворовавшихся банкиров? Если общество доверяет какому-то человеку создание банка, ЦБ выдает лицензию, то почему я, как гражданин, должен думать, надежен банк или нет? Если у него есть лицензия, то он по определению должен быть надежен. А механизма обеспечения этой надежности никакого нет. В итоге государство латает дыры, люди теряют деньги при банкротстве банков, а их собственники спокойно гуляют в Майами и прочих теплых местах и радуются жизни, обокрав миллионы людей. Я считаю, что в этом вина прежде всего нашего банковского регулятора, наших денежных властей. Нельзя в банковский сектор пропускать кого попало, тем более лиц, у которых нет никакой репутации, в особенности нельзя пропускать лиц, которые прячутся в офшорах, до которых вообще не дотянутся в случае банкротства банка.

Что касается исламского банкинга, то принципы, заложенные в его основу, являются универсальными. По-современному это можно назвать разновидностью проектного финансирования, когда банк выдает деньги под конкретные проекты и следит за целевым использованием денег, не позволяет заемщику тратить деньги как попало, вплоть до того, что заемщик не получает деньги физически, он только имеет право распоряжения, куда их потратить.

У нас сейчас идет кампания по укрупнению банков, а в Америке их тысячи, подавляющее большинство из них местные, которые знают своих клиентов, которые работают на рынке одного города или штата. Поэтому нам надо в целях устойчивости и экономического роста всячески эти принципы развивать, укреплять и поощрять. Я бы рекомендовал, например, в Татарстане провести пилотный эксперимент по работе одного-двух банков по принципам исламского банкинга, а на базе этого эксперимента подумать, какие нам надо внести нормативные изменения, чтобы эта сфера бурно развивалась.

АЛЬТЕРНАТИВА СВИФТ В РОССИИ ЕСТЬ

— России постоянно угрожают, что отключат от СВИФТ, тем более у нас нет даже своей национальной платежной системы. Каковы перспективы решения этого вопроса? Какие издержки можем понести в случае затягивания?

— Я бы не сказал, что у нас вообще ничего нет. Вы правы, что надо было давно, лет 10 назад, начинать эту работу по развитию системы обмена банковской информацией, альтернативной СВИФТ. Я этот вопрос ставил на национальном банковском совете, мы обсуждали риски банковской системы. Нам докладывал аудитор ЦБ. Я задал вопрос: как оценивается риск отключения СВИФТ? На что мне был дан ответ, что они не занимаются оценкой рисков того, если вдруг атомная бомба упадет на ЦБ. К сожалению, руководители денежных властей очень оторваны от реальности и плохо понимают угрозы, которые тогда были. Поскольку СВИФТ находится в бельгийской юрисдикции, то есть в ЕС, это означает, что Европейская комиссия может принять решение о введении санкций такого рода, и СВИФТ вынужден будет подчиниться, хотя это формально независимая организация. Поэтому риск отключения, безусловно, есть.

Технически альтернативу можно было бы построить уже давно. Технологически она даже уже сделана. ЦБ еще при прежнем руководстве была создана система межбанковских электронных финансовых сообщений, которой пользуются очень многие российские банки. Она автономна

от СВИФТ и, в принципе, выполняет те же задачи, только делает дешевле, надежнее и находится в российской юрисдикции. Самый простой способ обезопасить себя от безобразий ЕС — это расширить использование этой системы хотя бы до уровня евразийской интеграции. Если мы ее выведем за пределы России и предложим нашим партнерам из разных государств, то будет готовый СВИФТ.

— **Не все так плохо?**

— Это технический вопрос. Если услуга будет востребована, она позволит очень быстро полностью заместить СВИФТ для поддержания платежей и расчетов.

— **Вы уверены, что нашим партнерам по Евразийскому союзу это будет интересно?**

— Если мы откроем эту систему для них — да. Но пока она находится внутри ЦБ, существуют, конечно, проблемы. Система кажется малопривлекательной для иностранных участников, потому что она фактически госмонополия, а СВИФТ — это монополия частно-банковская. Можно придумать разные механизмы эксплуатации этой системы. Теперь это вопрос больше политический, а не технологический.

«СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДЕЛАЮТ НЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ, А САМИ РЕГИОНЫ»

— **Как можно использовать нынешнюю ситуацию для перехода России к шестому технологическому циклу?**

— Нужно разработать целевую программу интернализации на базе нового технологического уклада, надо под нее выстроить приоритеты финансирования, необходимо сосредоточить научно-технические ресурсы на освоение прорывных направлений нового технологического уклада и подкрепить государственное планирование и программирование развития этих отраслей соответствующими механизмами кредитования инвестиций через банки развития, венчурные институты. Вся наша поддержка инновационной и инвестиционной активности должна быть ориентирована на освоение новых технологий. В этом смысле если сейчас у нас создан теоретически механизм проектного финансирования, но он не работает, потому что плохо понятно, как сопоставить, например, целесообразность строительства птицефабрики или кирпичного завода. Нет критериев, как соизмерить перспективность тех или иных инвестиций. Предстоит выработать понимание технологического прогноза, того, что передовые направления развития дают колоссальный мультипликационный эффект, а для этого была бы как раз необходима система критериев для отбора проектов. Она бы позволила нам максимально эффективно использовать

деньги бюджетные и кредитные механизмы ЦБ, увязанные в один механизм поддержки экономического роста. Сейчас ничего подобного нет, потому что нет механизма стратегического планирования.

— **И кто должен придумать механизм стратегического планирования?**

— Он придуман, даже есть закон о стратегическом планировании, правда он был выхолощен, пока проходил через правительство. Тем не менее очевидно, что, согласно всей теории управления, сначала должны быть план и программа. Потом под них должны выделяться средства из бюджета, кредитных механизмов ЦБ, институтов развития. Все это должно быть увязано в общую систему стратегического и индикативного планирования. Заниматься этим должно по определению министерство экономического развития, а минфин и ЦБ должны помогать механизмами финансирования в реализации этих программ. У нас, к сожалению, все наоборот. Вопросы решают те, кто распоряжается деньгами. А в правильно устроенной системе развития распорядители денег должны делать так, как им скажут те, кто занимается планированием. Перекос в сторону сверхвласти финансовых ведомств ведет к тому, что система управления отвергает планирование как таковое. Если посмотреть степень исполнения бюджетов федеральных целевых программ, то некоторые профинансированы наполовину, другие — на четверть. Такое впечатление, что минфин решает, кого финансировать.

— **А минэкономразвития только прогнозы строит...**

— По-моему, гадает на кофейной гуще. Так что вся система управления должна быть ориентирована на экономическое развитие, а для этого денежные механизмы должны играть подчиненную роль, а не ведущую.

— **Татарстан может стать площадкой, точкой роста для новой модели?**

— Думаю, может, конечно. Насколько мне известно, в Татарстане сейчас обсуждается «Стратегия-2030».

— **Так ее же составляли специалисты вместе с Алексеем Кудриным.**

— Ее не может никто придумать, кроме руководства Татарстана. Стратегии развития делают те, кто в этом больше всего заинтересован. Либеральные экономисты не способны никакую стратегию сделать с точки зрения механизмов развития. Их понимание стратегии — это постоянные реформы по улучшению инвестиционного климата, который бы расширял самодеятельность частного бизнеса. А частный бизнес на самом деле хочет от государства не столько свобод, а прежде всего хочет понимания того, куда идти, что перспективно, где можно рассчитывать на разные формы господдержки, как минимизировать риски. Любая стратегия на длительный период — это прежде всего минимизация рисков для частного бизнеса.

Стратегия позволяет понять, куда лучше вкладывать деньги с точки зрения перспектив развития. Поэтому стратегия должна ответить, какие конкретно технологические ниши Татарстан мог бы освоить в рамках формируемого в мировой экономике нового технологического уклада, создавая себе конкурентное преимущество в высокотехнологическом секторе, обеспечивать для себя выгодное положение на российском рынке, рынке ЕАЭС и в целом на глобальном рынке. Я думаю, таких ниш найдется немало не только в нефтехимии или автомобилестроении, а прежде всего в наукоемких сферах: информационные технологии, авиастроение, производство новых материалов и освоение современных нано- и биоинженерных технологий.

Елена Колебакина

Справка

Сергей Глазьев — российский экономист, политик, академик РАН. Родился 1 января 1961 года в городе Запорожье. В 1983 году окончил Московский государственный университет им. Ломоносова по специальности «экономист-кибернетик», затем аспирантуру Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) АН СССР. В 1986 году защитил кандидатскую, в 1990 году — докторскую диссертацию.

В 1986 - 1991 годах был младшим научным сотрудником, научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим лабораторией ЦЭМИ АН СССР.

В 1991 - 1992 годах — первый заместитель председателя комитета внешнеэкономических связей РФ, первый заместитель министра внешнеэкономических связей РФ.

В 1992 - 1993 годах Глазьев занимал пост министра внешнеэкономических связей РФ.

С 1994 года по 1995 год он был депутатом Госдумы первого созыва, возглавлял комитет по экономической политике.

В 1996 году — начальник управления экономической безопасности аппарата Совета безопасности РФ.

В 1996 - 1999 годах — начальник информационно-аналитического управления аппарата Совета Федерации РФ.

С 2000 по 2003 год Глазьев был депутатом Госдумы третьего созыва, председателем комитета по экономической политике и предпринимательству, с ноября 2002 года был членом комитета по кредитным организациям и финансовым рынкам.

На выборах в Госдуму четвертого созыва организовал и возглавил избирательный блок «Народно-патриотический союз «Родина», который получил поддержку 9,1% избирателей, и сформировал одноименную фракцию в Госдуме. Одновременно был избран депутатом Госдумы

по Подольскому одномандатному округу.
В 2004 - 2007 годах — депутат Госдумы четвертого созыва, член комитета по охране здоровья, член комитета по бюджету и налогам.
14 марта 2004 года Глазьев принял участие в выборах президента РФ. По итогам голосования набрал 4,10% голосов избирателей и занял третье место.

В ноябре 2008 года Глазьев был назначен заместителем генерального секретаря Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а 4 февраля 2009 года утвержден ответственным секретарем комиссии Таможенного союза Беларуси, Казахстана и Российской Федерации.
В феврале 2012 года он был официально зарегистрирован как доверенное лицо кандидата в президенты РФ **Владимира Путина**.

Научная деятельность:

С 2000 года — член-корреспондент РАН, с 2008 года — академик РАН.
С 2007 года — директор Института новой экономики Государственного университета управления.

Автор 160 научных работ, из них 22 монографий.
Награжден медалью Кондратьева за цикл исследований длинных волн в экономическом развитии.